

Сплести подстилки для собственного пользования Линь Ло не составило ни малейшего труда. Разложив сухую траву ровным слоем по земле, он бережно, охапка за охапкой, переплетал стебли между собой, а по краям прижал их ровными ветками и крепко стянул ремешками из сыромятной кожи. Теперь циновка не осыпалась и не расползалась, превратившись в подобие настоящего матраса.

К тому моменту как Линь Ло закончил работу над второй циновкой, сумерки уже сгустились, и Цян разжгла в земляной яме костёр.

Линь Ло поднялся и с наслаждением потянул затекшую поясницу. Оглядев плоды своего полудневного труда, он удовлетворенно хмыкнул:

— Цян, перенеси эти две циновки вниз, в яму.

— Хорошо.

В широких ладонях Цян две огромные подстилки показались вовсе игрушечными. Она легко подхватила их и понесла к землянке.

Расчистив уголок, где лежали его рюкзак и шкуры, Линь Ло попросил Цян постелить одну циновку на землю, а вторую прислонить к сырой земляной стене, чтобы не касаться голой грязи. На подстилку он первым делом уложил серую волчью шкуру, выданную воинами-оборотнями, сверху постелил мягкую шкуру, приготовленную А-Да, а запечатал всё молочно-белым мехом, который выменял в городе за одну чёрную монету.

Глядя на это неприхотливое ложе, Линь Ло едва удержался от желания тут же упасть на него и повалиться. Почти за год пребывания на Континенте Зверолодей он впервые готовился отойти ко сну на чем-то, хотя бы отдаленно напоминающем нормальную кровать. Прежде приходилось то заворачиваться в шкуры прямо на голой земле, то корчиться на жестких валунах — он уже успел позабыть, каково это — спать с комфортом!

Изнуренный двухмесячным путешествием, Линь Ло съел пару кусков жареного мяса, приготовленного Цян, и сразу лег. Цян порывалась встать на стражу снаружи, у входа в землянку, но Линь Ло остановил её, велел отдыхать внутри.

Устроившись в свежееубранной постели, юноша укутался в серые и белые меха. Из-под пышного меха виднелись лишь изящные плечи да бледное лицо:

— Вокруг полно воинов, если случится беда, они тут же поднимут тревогу. Спи здесь, в яме. В рюкзаке есть шкура потолще, достань да укройся...

Голос его затих, веки сомкнулись, а дыхание стало ровным и глубоким.

Все эти дни рюкзак таскала Цян, так что она отлично знала его содержимое. Шкура, о которой говорил Линь Ло, принадлежала зверю Ме-Ме и стоила немалых чёрных монет. По пути из Города Большой Луны в Затерянные земли, когда случались проливные дожди и становилось невтерпеж холодно, почтенный служитель доставал её, кутался сам и даже предлагал ей укрыться вместе. Однако тело оборотня — благословение Бога-Зверя: подобная прохлада для них ничто.

Цян не стала брать шкуру. Прислонившись к земляному откосу, она уселась напротив Линь Ло.

На следующий день жрец, проявив снисхождение к утомившимся с дороги людям, дал им выспаться: посланец пришёл лишь к полудню, чтобы вызвать всех к главному шатру. Дорога длиной в два месяца сблизила двадцатку прибывших. Они разбились на небольшие группки — Линь Ло, к примеру, держался вместе с Хун Юем и женщиной-оборотнем по имени Цзоун. А вот двое других служителей, учившихся вместе с ним у дяди Хунье, Линь Ло откровенно недолюбливали и держались особняком.

Когда Линь Ло, Хун Юй и Цзоун вышли к площадке, вчерашняя знакомая, служительница Чунь, уже стояла подле высокого мужчины-оборотня. Тот был облачён в льняные одежды и пеструю накидку из сшитых звериных шкур, а в руке сжимал тяжёлый посох из чёрного железа.

Судя по всему, звериной формой этого жреца являлся некий свирепый хищник: стоя под его тяжёлым взглядом, Линь Ло чувствовал себя добычей под прицелом коварного зверя.

Едва все двадцать служителей собрались вместе, над площадкой раздался властный голос жреца:

— Вы — избранники Бога-Зверя, обученные врачеванию и священным молитвам. Прибыв в Затерянные земли, вы обязаны без промедления привыкнуть к местной жизни. Едва раненые воины возвращаются с передовой, ваша обязанность — исцелять их раны и возносить за них молитвы.

Обернувшись к девушке, он добавил:

— Чунь, ты проводишь их и покажешь тех, кому требуется помощь.

— Слушаюсь, господин жрец, — склонила голову Чунь.

Опустив взор, жрец сотворил священный жест и вместе с новоприбывшими вознёс благодарственную молитву Богу-Зверю, после чего удалился.

Стоило ему уйти, как давящее чувство опасности рассеялось.

— Прочие служители сейчас заняты с ранеными, — проговорила Чунь. — Я покажу вам, как здесь всё устроено, ведь впредь эта забота полностью ляжет на ваши плечи.

Служительница пошла впереди, ведя гостей к землянкам воинов-оборотней, окружавшим жилища служителей. Едва они приблизились, один из воинов тут же склонился в глубоком поклоне:

— Приветствую, уважаемая служительница.

— Как твои раны? — мягко поинтересовалась Чунь.

Воин ответил с явным трепетом:

— Края уже затянулись! Всё благодаря вашему благословию, служительница Чунь.

— Я привела новоприбывших осмотреть раненых. Через пару дней проведу тебя снова.

Оборотень с глубокой признательностью отступил в сторону, освобождая дорогу.

Чунь привела их к очередной земляной яме. Находившийся там воин торопливо отдернул кожаный занавес, и наружу тотчас вырвалось зловонное дыхание гниения и прели.

Линь Ло чуть наклонился, заглядывая внутрь. На голой земле без какой-либо подстилки лежали двое оборотней. Один метался в горячке с пылающим лицом и покрытым потом лбом, второй же находился в сознании. Впрочем, увечья второго выглядели едва ли не страшнее: его левое предплечье было оторвано, а культя замотана какими-то жухлыми листьями.

Не пройдет и пары дней, как и его настигнет та же участь — заражение крови, лихорадка и мучительная смерть от гангрены.

Лицо Чунь сделалось скорбным и полным сострадания. Повернувшись к новичкам, она тихо проговорила:

— Воинам, вернувшимся с передовой, мы первым делом оказываем помощь. Но если после этого у них начинается жар и выступает пот — это знак: Бог-Зверь призывает их к себе. В таком случае лечение прекращается, и мы начинаем молитву об упокоении их душ.

Спустившись в яму, Чунь взяла за руку воина с рваной раной на животе, сгорающего в лихорадке, и, прикрыв глаза, затянула знакомый молебен, которому их учил дядя Хунье:

— Всевышний Бог-Зверь, преклони слух к мольбам вернейших слуг Твоих...

Мечущийся в бреду воин лишь мучительно сдвинул брови. Второго же раненого, ещё не охваченного жаром, охватило глухое, отрешённое отчаяние. Он тупо смотрел на поющую Чунь и своих собратьев.

Сердце Линь Ло сжалось. Он прекрасно понимал: оба обречены. В этом диком мире, где не ведают об антибиотиках, сепсис и осложнения убьют их за считанные дни. Священные молитвы — лишь жалкое утешение перед смертью, не способное спасти жизнь.

Окончив молитву, Чунь поднялась и выбралась из землянки.

— Пойдёмте дальше. Второму воину молитву вознесёт кто-то из вас, когда придет срок.

Они перешли к соседней яме. Здешний воин пострадал меньше: когда Чунь сняла с его раны компресс из травяной кашицы, поврежденная кожа оказалась лишь слегка побледневшей, без признаков воспаления.

Тень сострадательной печали сошла с лица служительницы.

— Твоя рана затягивается отлично. Ещё немного, и сможешь вернуться в строй на передовую.

— Благодарю вас, уважаемая служительница! — обрадовался воин.

Весь остаток дня Чунь водила их по лагерю. Увы, удачливых воинов вроде последнего попадались единицы. Подавляющее большинство находилось в том же плачевном состоянии, что и первые двое, смиренно ожидая смертного часа и предсмертной молитвы. По пути им то и дело встречались собратья, выносившие из землянок тела тех, кто скончался от ран. Как говорила Чунь, эти воины «окончательно вернулись в лоно Бога-Зверя».

Но даже за целый день они успели осмотреть лишь ничтожную часть раненых. Лагерь Королевского рода Чёрного Золота оказался гигантским — в восемь раз больше той территории, что они обошли, и там трудились другие служители. Поток покалеченных воинов с передовой не иссякал ни на минуту; и каждую минуту кто-то испускал последний вдох под монотонный шепот молитв.

Вернувшись в свою землянку, Линь Ло уставился на ворох свежедоставленных лечебных трав, но перед глазами всё ещё стояли изувеченные воины. А-Да как-то говорила ему, что оборотни наделены невероятно сильным организмом: пока есть хоть призрачный шанс выжить, они будут бороться до последнего.

Однако раненые здесь гибли из-за элементарной дикости: их клали прямо на сырую землю, заноса инфекцию, а местная «медицина» слепо следовала древним догмам. Вне зависимости от

характера повреждений, служители просто замазывали раны кашицей из толченых трав. Если же рана оказывалась слишком глубокой, её предварительно выжигали раскалёнными на огне камнями — прижигали снова и снова, пока плоть не превращалась в обугленную корку, и только потом накладывали травяную мазь.

Но Линь Ло был родом из современного мира, а его дедушка служил деревенским лекарем-травником. В детстве тот часто водил внука по горам, учил собирать и обрабатывать целебные растения, вколачивая в голову их свойства. И хотя флора Континента Зверолодей разительно отличалась от земной, Линь Ло, получив базовые знания от дяди Хунье, не упускал случая искать на рынках незнакомые растения и испытывать их на мелкой дичи.

К настоящему моменту ему удалось выявить несколько трав, по свойствам схожих с земными: одну — для остановки кровотечений, другую — мощный противовоспалительный антисептик, а также пару снадобий от мелких недугов.

Противовоспалительная трава требовала исключительно свежего сбора: часть листьев надлежало растирать в кашицу и прикладывать к ране, а из другой части варить отвар. При этом корнями пользоваться категорически воспрещалось.

Линь Ло резко поднялся, подхватил пустой рюкзак и бросил Цян:

— Идём, наберём в окрестностях кое-каких трав.

Сумерки сгущались. В Затерянных землях не росло высоких деревьев; кругом простирались лишь россыпи камней да бурьян, пробивающийся из скальных трещин. Зажав в одной руке факел, а в другой ветку, Линь Ло раздвигал сухие стебли высотой выше собственного роста. В густой траве со шуршанием врассыпную бросились ночные насекомые.

Внезапно взгляд юноши зацепился за розетку сочных темно-зеленых листьев, походящих на дикий салат. Он мгновенно присел на корточки и принялся ощипывать зрелые листья, укладывая их в рюкзак. Раздвинув соседнюю поросль, он обнаружил целую плантацию.

Это растение Линь Ло называл «Бычьим языком» — оно лишь наполовину походило на земной аналог: мясистые темно-зеленые листья с зубчатым краем отлично снимали воспаление и вытягивали гной. Размножался «Бычий язык» невероятно быстро, произрастая целыми куртинами; к тому же, если оборвать старые листья, молодые побеги продолжали спокойно расти.

Набив рюкзак доверху, Линь Ло тщательно прикрыл кусты сухой травой, запомнил место и вместе с Цян вернулся в землянку за инвентарем, после чего направился напрямик к первой яме с тяжелыми ранеными.

— Приветствуем, уважаемый служитель!

— Служитель, зачем вы пришли сюда в столь поздний час?

Одетый в льняные одежды — знак духовного сана, — Линь Ло привлекал всеобщее внимание, и воины покорно склонялись перед ним.

Остановившись у знакомой землянки, он ответил вопрошающим:

— Я пришёл сотворить молитву о здравии лежащих здесь воинов.

Он специально умолчал об исцелении: не будучи уверенным в эффективности «Бычьего языка», Линь Ло не хотел дарить ложную надежду, чьё крушение ранит сильнее меча. Пусть всё решит судьба, свойства трав и стойкость самих оборотней. В худшем случае о его неудачной попытке никто не узнает.

Воин угрюмо кивнул, его лицо оставалось безразличным. Более века Пожиратели зверей терзали Континент Зверолюдей, унеся бесчисленное количество жизней. Оборотни, отправленные племенами на эту войну, редко возвращались к родным очагам. Лишь здесь, на самом переднем крае, воины осознавали страшную правду: если бы Безумные звери не сдерживали девяносто пять процентов Пожирателей, не только Королевский род Великого Леса, но и все прочие кланы давным-давно сгинули бы в небытии.

— Почтенный служитель пришёл вознести молитву! — крикнул воин вглубь землянки.

Завеса отдернулась. Четверо здоровых воинов поднялись и склонились перед Линь Ло. Спрыгнув в яму, юноша подошёл к раненым и осторожно начал счищать засохшую травяную корку с раны вспыхнувшего в лихорадке оборотня.

На животе пострадавшего открылся страшный порез в ладонь шириной и сантиметров пятнадцать в длину. Край раны воспалился, внутренняя полость заплыла белесым гноем, а наружу вырвался тошнотворный запах гниющей плоти. Линь Ло честно признался себе, что его скромных медицинских познаний не хватит, чтобы определить, затронуты ли внутренние органы. Но отступать было поздно.

Сняв остатки старого снадобья, Линь Ло достал бамбуковую тубу с водой, плотно набил её свежими листьями «Бычьего языка» и принялся с усердием растолакивать их очищенной от коры веткой. Полученную зеленоватую кашицу он аккуратно ровным слоем уложил на гноящуюся плоть. Ему пришлось трижды наполнять тубу, прежде чем рана оказалась полностью закрыта лекарством.

— Найдётся кусок тонкой кожи? — поднял голову Линь Ло.

Воины кивнули.

— Нарезьте длинными полосами, чтобы обмотать ему живот.

Один из оборотней достал из угла обработанную шкуру и одним взмахом острейших когтей распустил её на аккуратные ленты. Приняв их, Линь Ло попросил Цян приподнять раненого за плечи и плотно припеленал травяной компресс к животу, завязав узел на пояснице.

Затем он переключился на второго воина. Тот не потерял сознания, но лежал смертельно бледный, с такой же засохшей коркой на месте оторванного предплечья.

Встретившись с ним взглядом, Линь Ло тихо сказал:

— Позволь мне осмотреть рану.

Воин отозвался глухим, холодным голосом:

— Уважаемый служитель, вы ведь пришли вовсе не молиться за нас, верно?

Линь Ло остался бесстрастен:

— Служительница Чунь велела нам позаботиться о вас. У меня выдалась свободная минута, вот я и пришёл.

Покалеченный воин умолк, вновь погрузившись в апатичное оцепенение. Линь Ло протянул руку к культе. Воин отвернулся и прикрыл глаза — негласное согласие. Счистив засохшую мазь, юноша въедливо осмотрел повреждение. Руку явно отхватили зубами: края раны выглядели рваными, а некротизированная ткань ниже носила следы многократных прижиганий раскалёнными камнями — дикий способ остановить кровотечение. Сейчас обугленное мясо отмокало и гнило, сочась сукровицей. У Линь Ло содрогнулось сердце: от одного взгляда на эту мешанину становилось больно.

Приготовив свежую порцию «Бычьего языка», он обложил культю зеленью и надёжно забинтовал.

— Постелите на землю сухие, чистые шкуры и уложите их сверху, — обратился он к четверым здоровым воинам. — Ночи становятся холодными, не допускайте переохлаждения. Позже я вернусь. Кстати, река далеко отсюда?

— Нет, — качнули головами оборотни. — В Затерянных землях полно водоемов, прямо возле нашего лагеря протекает река.

— Отлично. Нарезьте шкуру на куски, смочите в холодной воде и положите ему на лоб, — Линь Ло указал на горячечного воина. — Как только компресс нагреется, сразу меняйте на

свежий.

Повернувшись к Цян, он добавил:

— Сходи с ними к реке, набери воды в эти два бамбуковых кувшина и принеси ко мне в землянку.

— Слушаюсь, — Цян подхватила емкости и вышла вслед за воинами.

Вернувшись, Линь Ло разжёл костёр, установил на огонь каменную чашу с углублением и, дождавшись воды от Цян, принялся варить отвар из «Бычьего языка». Влага выкипала, жидкость сначала пожелтела, а затем обрела густой буро-зелёный оттенок. Разлив снадобье по бамбуковым стаканам, Линь Ло вновь отправился к раненым и напоил каждого половиной порции.

Поиски трав, обработка ран, варка отвара — за этими хлопотами незаметно пролетела ночь, и небосвод усыпали яркие звёзды.

Прочие воины не понимали замысла Линь Ло, но Цян, неотступно следовавшая за ним, догадывалась о его намерениях. Глядя, как юноша разминает затекшие плечи, она тихо спросила:

— Уважаемый слугитель... они поправятся?

— Не знаю, — качнул головой Линь Ло.

— Когда Пожирателей изгонят с Континента Зверолюдей, многие воины вернутся в родные племена...

— А ты? — Линь Ло посмотрел на неё. — Из какого ты племени?

— У меня нет племени, — ответила Цян. — Я бродячий детеныш, приюченный Храмом Бога-Зверя в Городе Большой Луны. Все оборотни, приставленные к слугителям — такие же сироты, воспитанные Храмом. Нас закрепляют за слугителем до конца дней, и уйти мы не можем. Если только...

— Если только я не умру? — закончил за неё Линь Ло.

— Да. Но я защищу вас ценой собственной жизни, уважаемый слугитель.

Линь Ло кивнул и направился к своей землянке, поманив Цян за собой.

Однако стоит им подойти к жилищу, как Линь Ло заметил тёмный силуэт, воровато притаившийся возле входа. Завидев хозяев, тень метнулась прочь и в несколько стремительных прыжков растворилась среди землянок.

Цян сорвалась с места и ринулась в погоню. Линь Ло спустился вниз и быстро осмотрелся: вещи вроде бы остались на месте, но всё внутри перевернули вверх дном, а шкуры с тщательно прибранной постели скомканными валялись на земле.

<http://bllate.org/book/20115/1992916>